

IV. Страницы новейшей истории

Борис Хавкин

«"Парии Версаля", объединяйтесь!»:

«Красный граф» Брокдорф-Ранцау в Советской России

«Граф Брокдорф-Ранцау заложил основу отношений между двумя державами – Германией и Россией, с учетом многообразия их форм и видов, в духе идеи общности германо-российских интересов. В их основе – понимание того, что эти отношения одинаково важны для каждой из сторон... Для судьбы Германии необходимо непереносимое сохранение равновесия между Западом и Востоком»¹, – как определил немецкий историк Отто Хётч роль германского посла в Москве графа Ульриха Брокдорф-Ранцау в становлении германо-российских отношений после договора 1922 г. в Рапалло². Как немецкие, так и российские историки отмечают, что граф Брокдорф-Ранцау, являясь убежденным антикоммунистом, способствовал развитию дружеских отношений между Веймарской республикой и Советской Россией (Советским Союзом)³. В этой связи биограф Брокдорфа-Ранцау Э. Штерн-Рубарт писал о мировоззрении «путника между двумя мирами» как неотъемлемой части мышления своего героя⁴.

Граф Ульрих Ранцау родился 29 мая 1869 г. в провинции Шлезвиг в северной Германии. Он был потомком древней и знатной протестантской семьи, которая

¹ Цит. по: Thomas L. Tschitscherins Variante: Deutschland in der Biographie des ersten sowjetischen Außenministers Georgij Tschitscherin // *Stürmische Aufbrüche und enttäuschte Hoffnungen: Russen und Deutsche in der Zwischenkriegszeit. West-östliche Spiegelungen* / Ed. K. Eimermacher, A. Volpert. München, 2006. P. 155; Томас Л.Я. Жизнь Г.В. Чичерина. М., 2010. С. 159.

² Рапалльский договор урегулировал на взаимовыгодной основе разногласия между обеими странами, возникшие «за время состояния войны», и определял, что «оба правительства будут в доброжелательном духе взаимно идти навстречу хозяйственным потребностям обеих стран». Рапалльский договор между РСФСР и Германским государством. 16 апреля 1922 г. // *История Германии XX века в новом измерении*. М., 2008. С. 115-116.

³ См.: Scheidemann C. Ulrich Graf Brockdorff-Rantzau (1869-1928): Eine politische Biographie. Frankfurt a. M., Berlin, Bern, N.Y., Paris, Wien, 1998; Helbig H. Die Moskauer Mission des Grafen Brockdorff-Rantzau. Berlin, 1955; Helbig H. Die Träger der Rapallo-Politik. Göttingen, 1958; Haupts L. Graf von Brockdorff-Rantzau. Göttingen, Zürich, 1984; Ахтамзян А.А. Рапалльская политика: советско-германские дипломатические отношения в 1922-1932 годах. М., 1974; Чубарьян А.О. Мирное сосуществование: теория и практика. М., 1976.

⁴ Stern-Rubarth E. Graf von Brockdorff-Rantzau: Wanderer zwischen zwei Welten. Ein Lebensbild. Berlin, 1929.

могла похвастаться многими блестящими предками. Его тетья, графиня Брокдорф, завещала племяннику свое имение на том условии, что он добавит ее имя к своему. Но это не помешало графу пользоваться любой возможностью, чтобы дать понять, что он – отпрыск много более древнего, а поэтому более благородного рода Ранцау. Один из его предков был маршалом Франции при Людовике XIV; ходили слухи, что маршал был не только военачальником короля, но и любовником королевы. Граф частенько намекал, что последние представители династии Бурбонов в действительности были незаконно рожденными детьми Ранцау⁵.

Граф Брокдорф-Ранцау, как писали о нем немецкие газеты, был «худым, неразговорчивым, резким в выражениях человеком с аристократически высокомерным, равнодушным, бледным и мятым как использованная крахмальная салфетка лицом»; он слыл нелюдимым пессимистом⁶. Ничто не доставляло графу большего удовольствия, чем наслаждение утонченным стилем, заключался ли он в каком-нибудь шедевре из его коллекции, в литературной жемчужине или в его личном весьма эксцентричном поведении. Брокдорф-Ранцау был аристократом до мозга костей. Художник Георг Грош нарисовал язвительную карикатуру на него: граф был изображен в виде заносчивого дворянина как будто презрительно цедящего сквозь зубы: «Здесь пахнет чернью!».

Брокдорф-Ранцау был одним из последних «бисмаркианцев»: для него, как ученика Бисмарка, в политике существовали лишь интересы. Во время Первой мировой войны Брокдорф-Ранцау, несмотря на свое презрение к плебейским массам, выступал за демократические и социальные реформы. Граф считал, что «немецкому народу следует впредь бороться не за военные лавры, а за победу демократической идеи в мире»⁷. За это журналисты прозвали его «красным графом» или «графом вопреки самому себе». В феврале 1919 г. Брокдорф-Ранцау стал первым министром иностранных дел Веймарской Германии. Брокдорф-Ранцау вместе со всем кабинетом канцлера Филиппа Шейдемана ушел в отставку в июне 1919 г., отказавшись подписать Версальский мирный договор. «Пусть отсохнет рука всякого немца, его подписавшего»⁸. Позже Брокдорф-Ранцау вспоминал, что в Версале он следовал примеру руководителя советской делегации на мирных переговорах в Брест-Литовске в 1918 г. Льва Троцкого, заявившего немцам-победителям: «Я ничего не подпишу. Если вы хотите стать преступниками, тогда сделайте это сами, но признайте свое преступление»⁹.

С июня 1919 г. свержение «оков Версаля» стало абсолютным приоритетом германской политики. Для достижения этой цели были хороши все средства, в том числе и союз с Россией, которая революцией 1917 г. коренным образом изменила весь мировой порядок. Отметим, что и в Германии в ходе революции

⁵ Хильгер Г., Мейер А. Россия и Германия: союзники или враги? М., 2008. С. 181.

⁶ Цит. по: Haupt. Graf Brockdorff-Rantzau. P. 92.

⁷ Томас. Жизнь Г.В. Чичерина. С. 160.

⁸ Патрушев А.И. Германские канцлеры. М., 2009. С. 155.

⁹ Цит. по: Thomas. Tschitscherins Variante. P. 155.

1918 г. были попытки «говорить с капиталистами и империалистами по-русски»: провозгласить демократическую, или даже социалистическую республику¹⁰. Этим обстоятельством во многом объяснялось то, что Брокдорф-Ранцау как «человек Версаля» стоял у истоков новых германо-русских отношений.

Что касалось советской стороны, то большевикам в их отношениях с Берлином помогало униженное положение, в котором находилась Германия вследствие Версальского мира. Москва считала противоречия между Германией и державами-победительницами константой европейской политики. Эта предпосылка в значительной мере определяла внешнюю политику Советской России после окончания Первой мировой войны. Однако главе советского правительства В.И. Ленину и его наркомам было непросто определить место Веймарской Германии в послевоенной мировой политической системе. С одной стороны, Германия обладала одним из сильнейших экономических потенциалов, с другой – страны-победители в Версале навязали ей, по определению Ленина, «неслыханный, грабительский мир, который десятки миллионов людей, и в том числе самых цивилизованных, ставит в положение рабов. Это не мир, а условия, продиктованные разбойниками с ножом в руках беззащитной жертве»¹¹.

Разорвать «оковы Версаля» Германия могла лишь с помощью другого государства, оказавшегося вне Версальско-Вашингтонской системы – Советской России. Так что вместо большевистского лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» получился призыв «"Парии Версаля", объединяйтесь». Советско-германская «общность судеб», о которой много говорили в то время, была скорее «общностью интересов», и, следовательно, находилась в русле «бисмаркианской политики» Брокдорфа-Ранцау¹². Конечно же, германо-советское сотрудничество, несмотря на взаимные интересы, не было стабильным. Недоверие с обеих сторон было велико. В Берлине оно было связано с революционными планами Советской России и Коминтерна в отношении Германии; в Москве же опасались, что во внешней политике Веймарской республики восточный вектор рано или поздно сменится западной ориентацией.

В такой ситуации в 1922 г. граф Брокдорф-Ранцау стал послом Веймарской республики в Советской России и СССР и занимал этот пост до смерти в 1928 г. С Россией и германской восточной политикой Брокдорф-Ранцау был связан задолго до 1922 г. С 1897 по 1901 гг. он служил секретарем германского посольства в Санкт-Петербурге. Во время Первой мировой войны, находясь в должности кайзеровского посланника в Дании, Брокдорф-Ранцау «приобрел понимание российской политики и в то же время... утратил респект по отношению к царской

¹⁰ Драбкин Я.С. Ноябрьская революция в Германии. М., 1967; Scheidemann. Ulrich Graf Brockdorff-Rantzau. P. 504-505.

¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5 изд. Т. 41. С. 352, 353.

¹² Brockdorff-Rantzau U. v. Deutschlands Auswärtige Politik: Rede am 14. Februar 1919 in Weimar von der Nationalversammlung. Berlin, 1919; idem. Dokumente. Charlottenburg, 1920; idem. Dokumente und Gedanken um Versailles. Berlin, 1925.

дипломатии»¹³. Ранцау (так он подписывал свои депеши) активно участвовал в секретной деятельности рейха по выведению России из войны. Именно Ранцау открыл двери германского посольства в Копенгагене для русско-германского политического авантюриста доктора Гельфанда (Парвуса).

Первая встреча между ними состоялась уже в августе 1915 г. «Теперь я узнал Гельфанда лучше и думаю, не может быть никаких сомнений в том, что он является экстраординарной личностью, чью необычную энергию мы просто обязаны использовать как сейчас, когда идет война, так и впоследствии – независимо от того, согласны ли мы лично с его убеждениями или нет», – писал Ранцау¹⁴. Ранцау стал постоянным ходатаем по делам Парвуса в германском МИД. Разумеется, опытный дипломат отдавал себе отчет в том, насколько «рискованно стремиться использовать силы, стоящие за Гельфандом», но полагал, что «если мы (т.е. Германия. – Б.Х.) откажемся от его услуг из опасения оказаться неспособными управлять этими силами», то это станет «проявлением нашей слабости»¹⁵. С политической и финансовой помощью рейха и лично Ранцау, Парвус разработал план русской революции, результатом которой должно было стать свержение царя и заключение мира с Германией¹⁶. Контакты между Брокдорфом-Ранцау и Парвусом продолжались и в дальнейшем. Германский посланник в Копенгагене помогал в переправке Ленина и других русских революционеров из Швейцарии в Петроград в апреле 1917 г.

В беседе с графом Брокдорфом-Ранцау, состоявшейся 1 апреля 1917 г., Парвус высказал свое убеждение в том, что после Февральской революции возможны два варианта отношений Германии с Россией. Первый: германское правительство решается на широкую оккупацию России, разрушение ее имперской государственной системы и расчленение России на несколько зависимых от Германии государств. Второй: Германия заключает быстрый мир с Временным правительством России. Впрочем, был еще и третий вариант: Ленин. Германская сторона при посредничестве Парвуса переправляет вождя большевиков в Россию, где Ленин сразу же разворачивает антиправительственную деятельность, склоняет Временное правительство к подписанию мира или же сам при оказанной через Парвуса немецкой помощи приходит к власти и подписывает сепаратный мир с Германией¹⁷.

После русской Октябрьской 1917 г. и германской Ноябрьской 1918 г. революций Брокдорф-Ранцау активно участвовал в полуофициальных мероприятиях, объединявших общественных деятелей Германии и России: в подготовке к изданию секретных документов, раскрывавших предысторию Первой мировой войны

¹³ Томас. Жизнь Г.В. Чичерина. С. 159.

¹⁴ Germany and Revolution in Russia, 1915–1918: Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. L., N.Y., Toronto, 1958. P. 4-6.

¹⁵ Земан З., Шарлау У. Кредит на революцию: план Парвуса. М., 2007. С. 174.

¹⁶ Хавкин Б.Л. «Родина задешево» для «доктора Слона»: Александр Парвус – финансист революции и «сутенёр империализма» // Родина. 2008. № 6, 7.

¹⁷ Земан, Шарлау. Кредит на революцию. С. 233-235.

(аналогичную работу выполняла советская комиссия под председательством М.Н. Покровского) и в акции помощи немецкого Красного Креста голодавшему населению Поволжья в 1921-1922 гг. Это позволяло Ранцау быть постоянно хорошо информированным о Советской России¹⁸.

Советско-германский договор в Рапалло не стал для Ранцау неожиданностью, но поначалу вызвал его отрицательную реакцию: он полагал, что Рапалло вытеснит Германию из европейской политики и еще сильнее закрепит «оковы Версаля». Сказывалась и личная неприязнь графа к Вальтеру Ратенау, от имени Германии подписавшему Рапалльский договор. Однако после 24 июня 1922 г. – убийства Ратенау боевиками из националистической организации «Консул» (ненависть террористов вызывал и подписанный Ратенау договор с коммунистической Россией и его политика, направленная на точное соблюдение Версальского договора, и еврейское происхождение германского министра иностранных дел), – Ранцау пересмотрел свои взгляды. «Рапалльский договор означал коренное изменение нашей политики», – признал он позже¹⁹.

Канцлер Йозеф Вирт пытался обойти кандидатуру Ранцау на должность германского посла в Советской России. Во-первых, для работы в Москве у канцлера были и другие кандидаты, во-вторых, личные недостатки Ранцау были очевидны: экстравагантен, нервозен, работает по ночам, принимает морфий, злоупотребляет коньяком, к тому же слишком сроднился со своим братом-близнецом, без которого жить не может. (Его братом-близнецом был граф Эрнст Ранцау – бывший гофмейстер кайзеровского двора, после свержения Вильгельма II и его бегства из Германии представлявший в Веймарской республике материальные интересы Гогенцоллернов и их претензии на компенсации).

Но позже канцлер Вирт передумал: внешнеполитическая концепция Брокдорфа-Ранцау выглядела весьма убедительно. «Судя по нынешнему положению вещей, – писал Ранцау в июле 1922 г., – отсрочки выяснения наших отношений с Россией и совместная работа немецкого и русского народа означают для нас достойное решение и означают также не только для Европы, но и для всего мира начало успокоения и мирного восстановления... Что касается опасности заражения большевизмом, на которую часто жалуются, то нельзя утверждать, что она значительно возрастет в результате возобновления дипломатических отношений... Большинство немецкого народа, которое является здоровым, невосприимчиво к русско-азиатскому большевизму; но свой собственный большевизм в Германии неизбежно наступит, если для нас по-прежнему будет закрыт внешнеполитический выход из нынешнего безотрадного положения»²⁰.

¹⁸ Томас. Жизнь Г.В. Чичерина. С. 160.

¹⁹ Haupt. Graf von Brockdorff-Rantzau. P. 89.

²⁰ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. 1919-1922 гг. М., 1971. С. 556-558. Цит. по: Томас. Жизнь Г.В. Чичерина. С. 161.

Брокдорф-Ранцау назначался послом в Советскую Россию, чтобы, действуя из Москвы, добиться смягчения Версальского приговора: в советской столице был тот золотой ключик, который открывал для Германии дверь в сообщество великих держав. Как писал Ранцау, его миссия имела особый смысл: «Находясь в Москве успешно преодолеть последствия позорного Версальского диктата и возможно сорвать его»²¹. Брокдорф-Ранцау пояснил, что в случае его назначения на пост главы германского дипломатического представительства в Москве, он, как бывший министр иностранных дел, готов гарантировать свое влияние на общий политический курс. Кроме того, Ранцау хотел использовать прямой доступ к президенту Веймарской республики для того, чтобы установить политический надзор над действиями германских военных кругов (сил рейхсвера) в России²².

Военное сотрудничество рейхсвера и Красной армии, несмотря на то, что о нем ничего не говорилось в Рапалльском договоре, было стержнем советско-германских отношений 1920-х – начала 1930-х годов; причем началось оно задолго до Рапалло. Еще в июле 1920 г., в дни советско-польской войны, начальник управления сухопутных войск рейхсвера генерал-полковник Х. фон Сект, прозванный «отцом рейхсвера», писал: «Если Германия примет сторону России, то она сама станет непобедимой, ибо остальные державы будут вынуждены тогда считаться с Германией, потому что они не смогут не принимать в расчет Россию. Сотрудничество с Россией позволит Германии осуществить "подрыв" основ Версальского мирного договора».

Генерал Сект видел в союзе с Россией возможность обойти наложенные Версальским договором военно-технические ограничения. Русские, по мнению генерала, могли бы при необходимости обеспечивать поставки боеприпасов для рейхсвера и в то же время сохранять нейтралитет, если возникнут международные осложнения. Секретное военное сотрудничество Веймарской Германии и Советской России и развивалось в рамках достигнутого в феврале 1921 г. тайного соглашения о «восстановлении немецкой военной промышленности» и было санкционировано лично Лениным. На советской территории сооружались секретные советско-германские военные объекты: танковое училище под Казанью, авиашкола в Липецке, военно-химический центр и полигон в районе г. Вольска Саратовской области²³.

Однако Ранцау предостерегал германское руководство от поспешного выбора союзника, тем более, если этот союзник – Советская Россия. Хотя граф мало ве-

²¹ Из письма Брокдорфа-Ранцау директору восточноевропейского отдела министерства иностранных дел Германии барону Аго фон Мальцану. Цит. по: Haupts. Graf von Brockdorff-Rantzau. P. 84.

²² Krummel V. Ostpolitik contra Westorientierung: Deutsche Russlandpolitik zwischen Stresemann und Graf Brokdorf-Rantzau. 2001. P. 7.

²³ Ахтамзян А.А. Военное сотрудничество СССР и Германии. 1920-1933 // Новая и новейшая история. 1990. № 5; Захаров В.В. Военные аспекты взаимоотношений СССР и Германии: 1921 – июнь 1941 гг. М., 1992; Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество 1922-1933. М., 1992.

рил в возможность мирного оздоровления ситуации после Версаля, все же он считал «преждевременные военные связи с Советской Россией» крупной политической ошибкой. К тому же, как писал Ранцау, он не доверял «абсолютно бессовестному советскому правительству»²⁴, которое вполне могло бы шантажировать германское правительство угрозой огласки военных договоренностей.

«Большим недостатком Рапалльского договора являются опасения военного союза, которые с ним связываются», – писал Ранцау в меморандуме от 15 августа 1922 г. Граф считал, что ни в коем случае нельзя давать повод заподозрить Берлин в военных связях с Москвой. Это автоматически повлекло бы за собой союз Англии с Францией, направленный против союза Германии с Россией. По мнению Ранцау, военный союз с Советской Россией не был оправдан, поскольку отсутствовали гарантии, что с его помощью Германия сможет выбраться из безнадежного положения, в котором она находилась. Выход, по мнению Ранцау, был не в заключении военных пактов, а в сотрудничестве между Германией и Россией на благо их экономического возрождения. Этот меморандум Ранцау вручил 7 сентября 1922 г. канцлеру Вирту, а 8 сентября 1922 г. – президенту Эберту²⁵.

До своего официального назначения послом в Москву Ранцау встретился 23 июня 1922 г. в Берлине с народным комиссаром иностранных дел Г.В. Чичериным и изложил свою концепцию развития отношений между Германией и Советской Россией. Граф получил заверения наркома в поддержке его будущей деятельности в Москве²⁶. В начале ноября 1922 г. Брокдорф-Ранцау прибыл в Москву в качестве посла Веймарской республики. Вручая верительные грамоты председателю ВЦИК РСФСР М.И. Калинину, он заверил, что своей деятельностью на этом посту будет способствовать «доказательству того, что договор в Рапалло означает начало новой эры для немецкого и русского народов. Непокоримо веря в будущее немецкого и русского народов, без которых немыслимо возрождение мира, мы переходим к мирной работе и никто не помешает нам в этом»²⁷.

Ранцау пытался выработать новую германскую политику в отношении России. Советская Россия, а затем Советский Союз, играл в его внешнеполитической концепции роль противовеса Антанте. «Германо-русская общность судеб и целей», основанная на сходстве интересов, направленных против Версальской системы вообще и Польши в частности, должна была служить средством обеспечения внешнеполитических интересов Германии. В памятной записке рейхспрезиденту Эберту от 8 июля 1922 г. о задачах посла в Москве Брокдорф-Ранцау формулирует свое видение внешней политики Германии в отношении Москвы. Ранцау так оценивает советскую внешнюю политику: «Великая цель мировой рево-

²⁴ Krummel. *Ostpolitik contra Westorientierung*. P. 7.

²⁵ Горлов С.А. Совершенно секретно: Альянс Москва – Берлин, 1920-1933 гг. М., 2001. С. 66-67.

²⁶ Архив внешней политики министерства иностранных дел РФ, ф. 4, оп. 69, п. 454, д. 26, л. 59.

²⁷ Thomas. *Tschitscherins Variante*. P. 157.

люции остается конечной задачей для советского правительства; всякие изменения его внешнеполитической деятельности суть лишь тактические маневры»²⁸.

Ранцау, понимая опасность противостояния с генералом Сектом для успеха своей миссии в Москве, пытался примириться с «отцом рейхсвера» через дипломата В. Зимонса, исполнявшего в ходе Версальских переговоров обязанности генерального секретаря германской делегации. Зимонс взялся за это, считая, что Германия не может больше себе позволить, чтобы «две ее способнейшие политические головы работали друг против друга». Ранцау пришлось смириться с существованием связей между военными обеих стран и учитывать их в своей работе по укреплению «германо-советского сообщества интересов»²⁹.

Однако графу, как «кандидату президента» Эберта, удалось добиться от самого Эберта и канцлера Вирта широких полномочий в толковании и проведении «восточной политики», права непосредственного доклада президенту и главе кабинета и проведения курса в отношении России независимо от «ежедневных или еженедельных инструкций того или иного министра» иностранных дел. Вирт заверил Ранцау: «Вся политика в отношении России будет проводиться через Вашу персону». На что строптивый граф ответил: «Да, или через мой труп». Таким образом, как свидетельствовал Герберт фон Дирксен, ставший преемником Ранцау в качестве посла Германии в СССР, «центр тяжести германской политики в отношении России находился не в МИДе в Берлине, а у нашего посла в Москве графа Брокдорфа-Ранцау»³⁰.

В конечном итоге, граф Ранцау своей восточной политикой преследовал ту же главную цель, что и генерал фон Сект в военной сфере – возрождение величия Германии. По концепции Ранцау, сближение с Советской Россией достигалось прежде всего развитием экономических отношений. Таким образом, экономически более слабая Россия в соответствии с принципом мирного проникновения привязывалась к ослабленной Версальским миром, но все же экономически более сильной, чем Россия, Германии³¹.

В письме рейхспрезиденту Паулю фон Гинденбургу от 8 июля 1926 г. Ранцау так представлял суть своей политики: «использовать тесный союз с Советской Россией для создания противовеса Западу, чтобы не зависеть от милости или немилости держав Антанты»³². Каждая из сторон, и Германия и Советская Россия, находились как бы в вынужденном браке. Они не питали иллюзий в отношении честности намерений и надежности партнера, но сохраняли этот брак. «Наши отношения с Советской России содержат определенную долю блефа: полезно создавать вовне, для наших так называемых "бывших врагов", впечатление

²⁸ Ursachen und Folgen: Vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zur staatlichen Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart. Vol. VI. Dok. 1408. P. 596.

²⁹ Горлов. Совершенно секретно. С. 69-70.

³⁰ Там же.

³¹ Krummel. Ostpolitik contra Westorientierung. P. 8.

³² Haupts. Graf von Brockdorff-Rantzau. P. 85.

большой близости с Россией, чем это есть на самом деле», – писал Брокдорф-Ранцау³³. Прибыв в Москву, он не только выманил у встречавшего его наркома иностранных дел Чичерина реплику: «Мы горды тем, что к нам прибыл "человек Версаля"», но и сообщил иностранной прессе «о спонтанном, блестящем приеме в Москве германского посла». На самом же деле во время первого предварительного разговора с Чичериным Ранцау заявил, что он «как первый германский посол в Советской России после убийства графа Мирбаха, по меньшей мере, ожидал при встрече на вокзале отдачи воинских почестей», а его «встретили как перwokлассного бутлегера»³⁴.

Отметим, что убийство германского посла в Москве графа Мирбаха 6 июля 1918 г. явилось следствием германской политики в отношении Советской России. Мирбах стал, с одной стороны, заложником политики вынужденного партнерства германского рейха с правительством Ленина, с другой – поисков германской стороной политических альтернатив большевикам³⁵. Однако не только немцы в отношении России, но и большевики в отношении Германии проводили амбивалентную политику. С одной стороны, они, подписав Рапалльский договор, установили с Веймарской республикой дружеские партнерские отношения, с другой – с помощью Коминтерна разжигали в Германии пожар мировой революции.

Ранцау полагал, что экономические связи между Советской Россией и Германией должны были способствовать изменению международной политической ситуации в пользу Германии. По сути, концепция Ранцау была практическим преломлением тезиса Парвуса: «Политические перемены на основе экономического сближения». (Ранцау сохранил контакты с Парвусом, который к тому времени стал уже германским гражданином³⁶). Посол внес существенный вклад в заключение советско-германского Берлинского договора 1926 г. Граф Брокдорф-Ранцау видел не только большие возможности торгового сотрудничества, заложенные этим договором, но и хотел, говоря по-современному, создать своего рода программу развивающей помощи для России, в которой Германии отводилась бы особая роль. Немецкие фирмы «Крупп», «АЭГ», «Юнкерс» и другие развили в 20-е годы взаимовыгодные контакты с Советской Россией.

Расчет Брокдорфа-Ранцау состоял в том, что его концепция германо-советского экономического сотрудничества совпадала с новой экономической политикой большевиков (НЭП). Ведь Ленин, автор этой политики, неоднократно призывал «учиться у немцев»³⁷. Составной частью НЭПа были иностранные концессии и аренда советских предприятий иностранными, прежде всего амери-

³³ Ibid. P. 86.

³⁴ Бутлегер – торговец алкоголем в период действия сухого закона в США. Хильгер, Мейер. Россия и Германия. С. 205; Haupt. Graf von Brockdorff-Rantzau. P. 86.

³⁵ Хавкин Б.Л. Искать, но не найти // Родина. 2006. № 5.

³⁶ Haupt. Graf von Brockdorff-Rantzau. P. 87.

³⁷ Ленин В.И. О продовольственном налоге (значение новой политики и ее условия) // он же. ПСС. 5-е изд. Т. 9. С. 201-204.

канскими и немецкими, фирмами. Однако так как советский режим не мог предоставить иностранным предприятиям необходимых правовых гарантий, планы большевиков по привлечению в страну иностранного капитала в конечном итоге оказались несостоятельными.

Историк Отто Хётч, позже вспоминая годы пребывания Ранцау в Советской России, свидетелем которого он был, удивлялся тому, что посол смог так долго продержаться в большевистской Москве. Ранцау оставляли равнодушными опера и балет, загородные прогулки и дачи – все то, что составляло развлечения, доступные иностранцам в советской столице. Повседневная московская жизнь посла протекала вдали от здания германского посольства. Он проживал на вилле в Обуховом переулке, 5 (теперь это резиденция Патриарха Московского и Всея Руси в Чистом переулке). Свой особняк посол покидал редко и никогда пешком – всегда на автомобиле. При отсутствии общественной жизни в Москве (в западном ее понимании), жившие здесь дипломаты были изолированы, да и их снабжение было не на высоте. Брат-близнец граф Эрнст Ранцау присылал послу из Берлина столь необходимые ему французский коньяк, водку «Францбрантвайн» и кокаин. Граф обычно работал по ночам; чтобы быстро составлять и отправлять в Берлин подготовленные им многочисленные депеши, в его распоряжении были секретарь и шифровальщик³⁸. Посол придавал большое значение фиксации информации, стремился, чтобы каждый акт его дипломатической деятельности был документально зафиксирован³⁹.

Живя в России, посол, как и в Германии, презирал «парвеню». В советской столице это были «нахальные и высокомерные элементы из компартии и Коминтерна»⁴⁰. Ранцау раздражало влияние Коминтерна, который «налагался бременем на структуру германо-советских отношений наподобие излишней закладной»⁴¹. Граф постоянно призывал наркома иностранных дел Чичерина разъяснить влияние, оказываемое Коминтерном, на Советское государство. Под настойчивым давлением Ранцау Чичерин, по крайней мере, в глазах зарубежных дипломатов, прилагал энергичные усилия по размежеванию между советской внешней политикой и революционным коммунизмом, государством и большевистской партией. Это стало одним из условий поддержания прочных отношений Веймарской Германии с Советским Союзом.

Не случайно в качестве партнера для диалога германский посол в Москве избрал именно Чичерина – русского аристократа с немецкими корнями (его предки по женской линии происходили из лифляндского рода фон Мейендорф). По своим привычкам, вкусам, образованию, посол и нарком настолько соответствовали друг другу, что личный контакт между ними возник сам собой. Но прежде всего

³⁸ Hoetzsch O. Osteuropa und Deutscher Osten: Kleine Schriften zu ihrer Geschichte. Berlin, Königsberg, 1934. P. 270.

³⁹ Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (далее – PAAA), Nachlaß Brockdorff-Rantzau.

⁴⁰ Haupts. Graf von Brockdorff-Rantzau. P. 93.

⁴¹ Хильгер, Мейер. Россия и Германия. С. 230.

они совпадали в убежденности важности того, что позже стали называть «духом Рапалло». 15 мая 1923 г. в связи с первой годовщиной Рапалльского договора германский посол получил от Чичерина письмо. Через год пришло следующее письмо; отвечая на него, Ранцау писал, что Рапалльский договор стал выражением «жизненной общности интересов обоих народов, которые связаны между собой» и что этот договор, вопреки всем атакам на него, «принесет богатые плоды, если будет соответствовать своему духу. Гарантию этого я вижу [...] в первую очередь в Вашем лице [...] Рапалло – это больше будущее, чем прошлое. Итак – полный вперед!»⁴².

Регулярный обмен письмами вошел для Ранцау и Чичерина в привычку; при этом официальные рамки вскоре были преодолены. Своей кульминации дружеские отношения между наркомом и послом достигли в ноябре 1927 г. Поводом для этого стала не широко отмечавшаяся в СССР десятая годовщина Октябрьской революции, а скромный пятилетний юбилей деятельности германского посла в Москве. Итог работы, который Ранцау подводил каждого 4 ноября, выглядел оптимистично. К тому же Чичерин «великодушно отметил выдающуюся роль посла в установлении и укреплении дружественных отношений между Россией и Германией»⁴³. Отвечая Чичерину, Ранцау выразил уверенность в личной дружбе, в том, что она взаимна и идет от чистого сердца: «Мне известно, что политику нельзя контролировать сердцем, но тем не менее я уверен, что политике не повредит, если в ней участвовать и сердцем. Наша общая судьба и наши общие интересы привели меня к этому убеждению»⁴⁴.

Личные доверительные отношения, сложившиеся между Чичериным и Ранцау, вызывали явное раздражение Генсека И.В. Сталина. В одном из его писем есть замечание, очевидно намекающее на нетрадиционную сексуальную ориентацию наркома: «Чичерин слаб до тошноты, он влюблен в Ранцау и нередко забывает об интересах своего государства. Он, чудак, думает, что Ранцау (или любой другой посол) может вести политику ("дружественную" нам!) и отличную от политики гермпра (германского правительства. – Б.Х.). Дитя...»⁴⁵. Чичерин действительно восхищался Ранцау как личностью и дипломатом, но никогда не забывал об интересах своей страны: «У Ранцау маневр сменяется маневром, чтобы тянуть нас за нос... Когда он весь одна картина безграничного трудолюбия, когда комплименты льются из его уст неиссякаемым потоком, тогда держи карман. При этом разнообразии его актерских ролей очень велико: то Кассандра, то равнодушный и презрительный великодержавный вельможа, то рассыпающийся мелким бесом

⁴² РААА, Nachlaß Brockdorff-Rantau, H 226151, Abschrift; Haupts. Graf von Brockdorff-Rantau. P. 100.

⁴³ Цит. по: Томас. Жизнь Г.В. Чичерина. С. 238.

⁴⁴ Там же. С. 239.

⁴⁵ Письмо Сталина Бухарину от 25 июля 1925 г. Цит. по: Томас. Жизнь Г.В. Чичерина. С. 191.

доброжелатель, то все понимающий философ, то просто откровенный друг – разнообразие замечательное»⁴⁶.

Ранцау же, человеконенавистник в душе, человек с почти психологическим недоверием к своему окружению, который видел врагов, прячущихся за каждым углом, никогда не терял уважения и чувства теплой дружбы к Чичерину. Последние мысли посла, продиктованные им на смертном ложе, выражают его веру в самого себя, свою миссию и дружбу с народным комиссаром иностранных дел. Вот это письмо: «Мой дорогой народный комиссар! Мой брат-близнец, посол граф Брокдорф-Ранцау сегодня днем призвал меня к своему ложу и попросил меня передать Вам, народный комиссар, и г-ну Литвинову (заместителю наркома иностранных дел. – *Б.Х.*) следующее: после вердикта своего врача он понял, что должен смириться с внезапной смертью в любой момент. Он в свой смертный час попросил меня передать вам, господа, обоим, что он считал задачей своей жизни довести политику, преследовавшуюся им в последние годы, до желанной цели. Кроме того, он просил меня сказать Вам, что он благодарит обоих комиссаров, особенно Вас, за веру в сотрудничество, которую он всегда находил у вас в трудные годы. Его последняя и твердая надежда, сказал он, состоит в том, что германский и русский народы смогут общим трудом достичь той цели, которой они желают. Берлин, 8 сентября 1928 г. Эрнст граф Ранцау»⁴⁷.

В письмах Чичерину Ранцау вспоминал, что при вручении им верительных грамот Калинину обе стороны были едины в своем непризнании опеки «третьей стороны»⁴⁸. Эта «третья сторона», которая часто фигурировала в заявлениях и личных письмах обоих политиков, не называлась по имени. Упоминались лишь журналисты из Франции, Англии или Германии, которые распространяли слухи, призванные скрыть важные взаимосвязи. Примером происков «третьей стороны» был такой случай: летом 1926 г. берлинский корреспондент французской газеты *Эхо Парижа* в своей газете писал, что уединенный образ жизни Ранцау в Москве – есть доказательство мании преследования, которой якобы страдал посол. Ранцау якобы жил в Москве в постоянном страхе быть убитым как его предшественник граф Мирбах. Но этим страхам будет положен конец: вскоре Ранцау будет освобожден от должности⁴⁹. Берлин вынужден был опровергать эти слухи, дошедшие и до Советской России.

Незадолго до своего окончательного отъезда из Москвы весной 1928 г. Ранцау писал в связи с появлением новой статьи, направленной против него: «Эти все чаще повторяющиеся атаки, направленные не только против меня лично, но и против политики, которую я представляю, преследуют цель, и принимая во вни-

⁴⁶ Там же. С. 190.

⁴⁷ Хильгер, Мейер. Россия и Германия. С. 202.

⁴⁸ PAAA, Nachlaß Brockdorff-Rantzau, H 226092.

⁴⁹ PAAA, Nachlaß Stresemann. Vol. 28.

мание средства, используемые для ее достижения, весьма опасную»⁵⁰. Отъезд Ранцау из России был вызван болезнью, уже вступившей в последнюю стадию.

В течение шести лет граф Брокдорф-Ранцау, последний «бисмаркианец» в германской политике, пытался сделать германо-советские отношения как можно более тесными. В августе 1928 г., незадолго до смерти (граф умер 8 сентября 1928 г.), он, подводя итог жизни, сказал, что «руководствовался постоянным стремлением поднять немецкий народ на подобающую ему высоту», и, находясь в Москве, «сделал еще не все возможное для этого». На смертном одре Брокдорф-Ранцау лаконично произнес: «Я умираю охотно – я уже умер в Версале». Рана, которую оставило его личное и национальное унижение в Версале, так и осталась неизлечимой.

«Дружба с Вашим покойным братом, – гласило письмо Чичерина графу Эрнсту Ранцау от 6 ноября 1928 г., – была самым лучшим переживанием моей жизни. Вино "Штайнбургер" [...] лившееся во время наших бесед, было для нас символом соединения утонченности вкуса с окружавшей реальностью. На праздновании пятилетия пребывания Вашего дорогого брата в должности посла я выразил надежду, что нас ждет еще много долгих лет радующей нас совместной работы ради достижения общей светлой цели. Всякая мысль о таком внезапном конце мне была полностью чужда...»⁵¹.

В некрологе по поводу кончины Ранцау, напечатанном в главной партийной газете *Правда*, журналист Михаил Кольцов писал, что «честолюбивый, аристократически надменный граф оказался самым верным, самым доброжелательным и самым доступным, а поэтому самым приятным буржуазным послом в красной Москве». Советские официальные лица, которые встречали «старого графа» в приемной Наркоминдела, «с удивлением не ощущали влияния классовой ненависти, которая была бы уместна при виде лиц благородной крови». Это все потому, что «этот граф понял и никогда не забывал, что Советский Союз, какими бы вы глазами ни смотрели на это, – могучая держава, с которой надо стараться жить в дружбе и согласии... Это было самым важным для старого графа»⁵².

Министр иностранных дел Германии экс-канцлер Густав Штрэземан в траурной речи памяти графа Брокдорфа-Ранцау подчеркнул, что «Брокдорф-Ранцау воспринимал свою деятельность в Москве как историческую миссию... Его работа служила укреплению отношений между Россией и Германией, дружбы и сотрудничества между нашими великими странами и народами»⁵³.

⁵⁰ РААА, Nachlaß Brockdorff-Rantzau, H 226046.

⁵¹ Цит. по: Thomas. Tschitscherins Variante. P. 159.

⁵² Правда. 11 сентября 1928. Цит. по: Хильгер, Мейер. Россия и Германия. С. 203; Haupt. Graf von Brockdorff-Rantzau. P. 100.

⁵³ Haupt. Graf von Brockdorff-Rantzau. P. 102.